

Наталья Бондарчук и артисты театра «Бэмби»

Известная актриса и режиссер в последние годы снимает документальные фильмы о жизни семьи Рерихов.

Мы разговариваем в международном Центре Рериха в Москве — Наталья Бондарчук — член правления этого центра. Мой первый вопрос к ней: почему она оставила художественное кино?

— Моей последней художественной картиной был фильм «Просите, и будет вам». Потом я сняла документальный фильм о трансгималайской экспедиции

Николая Рериха. Но весь материал фильма остался в Китае, его не выпустили из страны, арестовали. А ведь негатив долго хранить нельзя, можно считать, картина пропала... Еще я сняла фильмы «Тайная жизнь цветов и камней» и «Великий облик» — о Елене Ивановне Рерих.

Вопросы смысла жизни и жизни после смерти мучили меня с тринадцати лет. Бабушка, исследовательница Алтая, писательница Анна Ивановна Герман, зародила во мне интерес к

мифологии, обычаям этого горного края. Она была первым Учителем.

Я делаю картины в согласии с учением Рерихов, с его «Живой этикой» — этим синтезом науки, культуры и высокой религиозной мысли. Это путь познания мира, который лежит через красоту искусства. Моя диалогия о Бэмби — как бы живая этика для детей, которая говорит о том, что вся природа одухотворена, что она вступает в контакт с нами так же, как и мы с ней...

Вслед за Бэмби

Наталья Бондарчук о Рерихах, отце и о себе

— Вы были знакомы со Свято-славом Николаевичем Рерихом?

— Я имела счастье встречаться с ним трижды в Индии. В 92-м году, в октябре, я его снимала. Это были последние съемки перед его уходом из жизни.

— Кажется, «Живая этика» и то, чему учат в театральных институтах, так далеко друг от друга.

— Почему? Мой институтский преподаватель Сергей Аполлинариевич Герасимов, привнесший так много в мое становление, утверждал: мысль есть действие; если правильно мыслишь — правильно играешь. Есть и другая, известнейшая теория, отталкивающаяся от действия. Видно, еще не пришло время полностью раскрыться тому, что заложено в системе Станиславского... Она почти один в один — «Живая этика» Рериха. Очень много общего, например, такие понятия, как малый круг внимания, большой круг внимания, перевоплощение... Некоторые ученые утверждают, что вокруг артиста образуется так называемое лептонное поле. То есть, воплощая какой-либо образ, актер аккумулирует из пространства некое поле и оно так действует на организм, что зритель видит в нем другого человека. У Шалыпина в разных ролях мог меняться не только рост, но и цвет глаз. Актеру понятно, что трудно не только войти в образ, но и выйти из

него. Собственный пример: когда я играла Марию Волконскую, у меня изменился почерк. Стал витиеватым. Я стала поддерживать несуществующие длинные юбки, входя в троллейбус.

— А ваш отец, Сергей Бондарчук, разделял эти мысли?

— Отец знал о существовании других миров, и его тяготение к Толстому было неслучайным. Потому что Толстой, как никто другой, вобрал в себя философскую мысль космического значения. Помните, Пьер Безухов хочет: «Кого арестовать? Мою бессмертную душу?» Поэтому отец никому не доверял роль Пьера, в образе которого весь Толстой. Очень трудно было ему совмещать и актерскую игру, и режиссуру, поэтому у него во время съемок «Войны и мира» была клиническая смерть.

— Вы были близки с отцом?

— Да, очень, в детстве, потому что мама часто уезжала на съемки, а он оставался за няньку. Мы с ним много рисовали. Он меня в этих рисунках отправлял в какие-то увлекательные путешествия. Отец всегда замечательно рисовал, но никому не показывал, так как у него были очень высокие требования к себе. Первые восемь лет моей жизни мы провели вместе, потом произошел разрыв. Пять лет я его сов-

сем не видела, но позже постепенно возникли какие-то контакты. Впервые как актрису он увидел меня во ВГИКе на дипломном спектакле «Красное и черное» Стендаля. Он обрыдался. Потом я его пригласила на премьеру «Соляриса». Он опять плакал. А на другом моем плече плакал исполнитель главной роли в «Солярисе» Банионис.

Потом мы долго стояли вместе с отцом и Андреем Тарковским на лестничной площадке. И тогда я подумала, какие рядом со мной потрясающие художники, у которых одна миссия на Земле — осветлять пространство, доставлять радость людям своим искусством, нести идею боготворчества, одухотворенную космосом. Никита Михалков как-то сказал: «Бондарчук — это планета, и постигнуть его можно, только любя его искусство». Я раньше очень страдала, оттого что мало была с отцом. Но его личность мне не мешала увидеть его высокую индивидуальность, и поэтому моя любовь пришла через его фильмы. Для меня фильмы просто драгоценны и сыграли очень большую роль в моей связи с отцом.

— Он видел ваши режиссерские работы?

— Видел «Учителя учителей» и был растроган. Потому что отец раньше не принимал Рериха как

художника. Мы уехали к нему на дачу, заперлись и, оставшись наедине, говорили об иных мирах, о других измерениях, о великих учителях, потому что все это отца очень интересовало.

Еще три с лишним года назад я почувствовала его уход из жизни и стала мысленно с ним прощаться. Он был тогда в больнице, потом уехал в Италию. Семья боролась за его жизнь, и в этом плане Ирина Константиновна Скобцова, его жена, сыграла очень важную роль. Она его буквально вытаскала с того света. И его дочь Алена тоже. И он все-таки завершил фильм «Тихий Дон». Это заслуга семьи. Я сейчас по-новому воспринимаю семейные связи. Когда отец умер, Алена позвонила мне в Киев (я там была на съемках) и сказала только: «Папа...» И я все поняла. Мы обо долго рыдали... Я очень остро переживала его смерть.

— А мама?

— Она тоже переживала, но пришла к нему потом. Одна. Сейчас я поняла еще один свой долг. Я должна снять картину об отце.

— Наташа, в Центре Рериха, где мы разговариваем, висят фестивальные афиши театра «Бэмби», которым вы руководите уже двенадцать лет. И помню, конечно, как театр «Бэмби» временно располагался в Театре киноакте-

ра, откуда потом был изгнан из-за ревности взрослых актеров, и вы объявили двадцатидневную голодовку. Расскажите о театре «Бэмби». Что с ним сейчас?

— Мама с детства читала и рассказывала мне об олененке Бэмби. И меня в детстве называли «Бэмби». Это была моя любимая книга.

Когда я задумала снимать картину «Бэмби», то пригласила Юрия Нагибина написать сценарий. Работа заняла пять лет. Снимались и моя мама, актриса Инна Макарова, и мой сын Ваня. А также знаменитые Лев Дуров, Марис Лиера, Илзе Лиера, Гедиминас Таранда и 110 видов животных.

У нас на съемках произошел жуткий случай. Моих главных героев — трех маленьких оленей — убил топором браконьер. Его за это посадили на четыре года. Об этом узнал весь мир. Особенно это потрясло детей. Стали приходить ко мне замечательные детские рисунки, стихи, сценарии, и я стала думать: может быть, создать небольшой детский клуб? Ну кто же предполагал, что этот клубик станет моим вторым делом навсегда, на всю жизнь. У нас пятьдесят детей от трех лет, выросли, но не уходят. Первый ребенок — мой сын Ванечка Бурляев, который в фильме играл Бэмби, уже большой. Маша Бурляева — моя дочь, тоже в театре «Бэмби». Ей девять.

Нас много приглашают на гастроли. Меня часто спрашивают, каких детей мы берем? «Блатных»? Среди моих артистов есть мальчик, больной церебральным параличом. Он замечательно играет, и его хорошо принимает публика. Главное, чтобы дети учились понимать добро и красоту.

Беседовала
Надежда РЕПИНА